

СОБЫТИЯ И РЕЦЕНЗИИ

Русаков Василий Матвеевич

*докт. филос. наук, профессор
кафедры политических наук*

Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина.

Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 429

dipi@nm.ru

Русакова Ольга Фредовна

*докт. полит. наук, профессор,
заведующая отделом философии*

Института философии и права

Уральского отделения РАН.

Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

rusakova_mail@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Н.С. РОЗОВА

«ФИЛОСОФИЯ И ТЕОРИЯ ИСТОРИИ.

КН. 2: ПРИЧИНЫ, ДИНАМИКА

И СМЫСЛ РЕВОЛЮЦИЙ»*

Rusakov Vasily M.

Doctor of Philosophical Science, Professor,

Department of Political Science,

Yeltsin Ural Federal University.

Yekaterinburg, Lenin av., 51, of. 429

dipi@nm.ru

Rusakova Olga F.

Doctor of Political Science, Professor,

Head of the Department of Philosophy,

Institute of Philosophy and Law,

Ural branch of the Russian Academy of Sciences.

Yekaterinburg, S. Kovalevskaya st., 16

rusakova_mail@mail.ru

REVIEW OF THE N.S. ROZOV'S MONOGRAPH

“PHILOSOPHY AND THEORY OF HISTORY.

BOOK 2: CAUSES, DYNAMICS,

AND MEANING OF REVOLUTIONS”

*Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 2: Причины, динамика и смысл революций. М.: КРАСАНД, 2018.

Аннотация. Вторая книга профессора Н.С. Розова «Философия и теория истории» посвящена широкому тематическому спектру проблем — от фундаментальных проблем социальной онтологии, через проблематику исторической динамики до попыток детального анализа отдельных кризисов и революций через скрупулезное эмпирическое исследование их событийного слоя. Заявленный автором круг задач и столь обширное проблемное поле, подлежащее анализу, впечатляют, как и перечень использованных отечественных и зарубежных источников. Однако куда большее внимание он приковывает целым рядом имплицитно содержащихся ответов на вызовы современности и «злобу дня». Рецензируемая работа продолжает исследовательскую линию профессора Н.С. Розова и выступает новым этапом развития его исследовательской программы, оснащенной новейшим инструментарием, находящимся в контексте самых современных методологических разработок, выдвинутых в последнее время. Автор ставит впечатляющую задачу применить в полном объеме этот весьма диверсифицированный инструментарий к фундаментальной проблематике социальных революций — к познанию причин, условий, следствий. Но несомненной заслугой автора следует считать предпринятую попытку раскрыть смысл революций — то, что еще пытались сделать великие русские философы В.И. Ленин, Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин. Книга профессора Н.С. Розова, несомненно, пробуждает самое главное — методологический интерес.

Ключевые слова: методология исторического исследования, историческая социология, историософия, социальный порядок, социальная революция.

Abstract. The second book of Professor N.S. Rozov “Philosophy and theory of history” is devoted to a wide thematic range of problems — from fundamental problems of social ontology, through the problems of historical dynamics up to attempts to analyze individual crises and revolutions in detail through a thorough empirical study of their event layer. The range of tasks stated by the author and such a vast problem field to be analyzed are impressive, as is the list of domestic and foreign sources used. However, it attracts much more attention with a number of implicit responses to the challenges of our time and the “malice of the day”. The reviewed work continues the research line of Professor N.S. Rozov and is a new stage in the development of his research program, equipped with the latest tools, located in the context of the most modern methodological developments put forward recently. The author sets an impressive task to apply this highly diversified tool to the fundamental problems of social revolutions — to the knowledge of causes, conditions, and consequences. But the author’s undoubted merit should be considered the attempt to reveal the meaning of revolutions — something that the great Russian philosophers V.I. Lenin, N.A. Berdyaev, P.A. Sorokin still tried to do. Professor N.S. Rozov’s book undoubtedly arouses the most important thing — methodological interest.

Key words: methodology of historical research, historical sociology, historiosophy, social order, social revolution.

Вторая книга профессора Н.С. Розова «Философия и теория истории» посвящена широкому тематическому спектру проблем — от фундаментальных проблем социальной онтологии, через проблематику исторической динамики вплоть до попыток детального анализа отдельных кризисов

и революций через скрупулезное эмпирическое исследование их событийного слоя. Заявленный автором круг задач и столь обширное проблемное поле, подлежащее анализу, впечатляют, как и перечень использованных отечественных и зарубежных источников (204).

Однако помимо внешних библиографических особенностей данного труда, куда большее внимание он приковывает целым рядом имплицитно содержащихся ответов на вызовы современности и «злобу дня». Поясним: во-первых, автор заявляет исследование «причин и смыслов» революций, что в современном официальном политическом дискурсе явно не приветствуется. Вспомним один лишь — сколь стилистически хлесткий, столь же теоретически маловразумительный тезис, запущенный в обращение в медиасферу, о том, что «Россия исчерпала лимит на революции». Научное исследование, как известно, даже в гуманитарном познании стремится вскрыть вполне объективные закономерности, мало считающиеся с чьими-то «хотениями» и мечтаниями. Во-вторых, не менее показательно натужное молчание, которым было окружено столетие двух русских революций 1917 г., прискорбно дополненное низкопробными кино-телеподделками, пересказавшими, кажется, все, что смогла исторгнуть из себя российская и зарубежная контрреволюция. В итоге интерес к причинам, смыслам революций, а тем более к проблеме столкновения интересов, мягко говоря, не приветствуется.

Автор основной идеей исследования выдвинул происхождение «порядка» из того, что внешне предстает как «беспорядок» и «хаос», очевидным образом — по аналогии с известной работой лидера брюссельской школы термодинамики И. Пригожина [3]. В историографии революций хорошо известно обыденное представление о революциях как о «хаосе», «беспорядках», «иррациональной стихии», в которых тем не менее проявляются универсальные закономерности социального взаимодействия и свойства сознания и поведения людей, поставленных в кризисные ситуации и жесткие конфликты.

Этому анализу автор предпосылает «Методологическое введение: подход к изучению режимов, кризисов и революций», где неизбежно приходится определиться в непростом кругу дефиниций: что такое «историческая социология» (к которой склоняется автор), что такое «история», «социология», «макросоциология», «макроистория» («философия истории», или «историософия», — добавим мы). Что и говорить, задача крайне трудная с многих точек зрения. Автор честно признается, что его метод историко-социологического подхода находится, скорее, в стадии становления. Кстати, Н. Смелзер отмечает, что именно «социологические факты связаны с социальными отношениями» и выделяет пять основных [5, с. 18].

Любопытно замечание автора о способе преодоления дилеммы «холизма» и «атомизма» при изучении причин макросоциологических явлений (объектов исторической социологии): он «состоит в признании “плавающего” и/или “диффузного” характера наиболее значимых причин социальных изменений» [4, с. 10]. Это, на наш взгляд, рискованное утверждение, при-

водящее к выводу о том, что «причины явлений могут находиться в сущностях и процессах разных масштабов... т.е. причины как бы “плавают” между масштабами, но также вполне резонно ожидать, что... они могут быть диффузно рассредоточены по нескольким масштабам, например, для Первой мировой войны — от выстрела Гаврилы Принципа... до истории конкуренции и конфликтов между всеми великими европейскими державами и их коалициями» [4, с. 10]. Как представляется, вряд ли «размазывание» причин между различными масштабами (с использованием «аппарата Булевой алгебры, по Ч. Регину» или без оногo) способно вывести нас из методологического тупика, образующегося в результате отказа от изучения «причины причин» социальных явлений — изучения *интересов* различных социальных групп, вовлеченных в них. Как известно, методологический прорыв в объяснении событий и причин той же Великой Французской революции был совершен (в трудах историков времен Реставрации — О. Тьерри, Ф. Минье, Ф. Гизо) именно благодаря разысканию интересов социальных групп, вовлеченных в нее.

В конечном итоге «Методологическое введение» оптимистически завершается утверждением о приверженности автора «интегративному подходу», включающему рассмотрение множества слоев, динамики взаимодействия акторов, нишевых условий и «логики ответных ходов» [4, с. 11]. Именно такой подход позволяет представить политическую онтологию «своего рода набором линз» — способом интегративного осмысления и описания эмпирического материала, ядро исследовательской программы которой составляют: 1) принцип разномасштабности закономерностей; 2) принцип универсальности базовых стремлений всех акторов; 3) принцип ритуально-событийного круговорота через цепочки интерактивных ритуалов (габитусы) [4, с. 15]. Отметим, опять-таки характерное уклонение при рассмотрении «базовых стремлений» от исследования *интересов* различных социальных групп.

Эта тенденция находит непосредственное объяснение буквально на следующих страницах: когда автор в превосходной степени характеризует вклад Т. Шеллинга (1921), который «показал, каким образом частные индивидуальные действия приводят к незапланированным макроследствиям» (!), Д. Локвуда (1964), П. Блау (1964), который показал, что «межличностный обмен прекращается, когда возникает асимметрия и вознаграждение не обеспечивается равными ресурсами» и завершается указанием на то, что «некоторые социальные понятия (например, общество, культура, интересы государства)», как считает Коллинз, «оказываются пустышками, “глоссами” (словами без реальных денотатов)» [4, с. 16—17]. Еще более занятно узнать, что Коллинз именно *интерактивный ритуал*, понимаемый крайне широко, считает основой любого социального порядка: «Разговоры являются самой частной и важной формой ритуалов, причем, наибольшее значение имеет не их содержание, а получение ощущений участниками, как и среди кого они могут рассчитывать на какую поддержку...» (!) [4, с. 17].

«Луч света» в это мрачное царство «ритуалов-разговоров» бросает М. Арчер: «Примечательным является также введение М. Арчер интересов и конфликтов в процессы воспроизводства и трансформации структуры» [4, с. 19], которая, впрочем, тоже «указывает на первостепенную значимость разговоров» [4, с. 19]. Мы столь подробно пытаемся проследить стремление автора скрупулезно выявить, инвентаризировать весь арсенал мельчайшей «социальной моторики» и «механики» с одной целью: как представляется, спуск исследования на эти уровни принципиально не способен дать никаких эвристически ценных данных для *исторической социологии*, исповедуемой автором (это — как раз пример неадекватного масштаба). Анализировать причины революций, начиная с уровня «комфорт—дискомфорт, вызов—ответ» (или еще раньше: «стимул—реакция»?), вряд ли продуктивно переносить рефлексy собаки Павлова на поведение людей в революционных событиях. Впрочем, автор быстро переходит к «социальным потребностям» [4, с. 25], да еще к появлению «сплоченных групп разного масштаба». Поэтому большие сомнения вызывают упования автора на «богатейшие исследовательские традиции бихевиоризма», как, впрочем, и на теории «рационального выбора потребителя», подвергнутые, и уже довольно давно, жесткой и обстоятельной критике.

Поэтому и вызывает сомнение сформулированная автором «плавающая парадигма» причин разных событий, уж очень сильно напоминающая известную «песчинку в носу законодателя». Автор куда более основательно говорил о том, что «модели и теоретические гипотезы закрепляют связи между *сущностями*» (или не закрепляют, и тогда они лишь «умножают сущности» без необходимости).

Вообще говоря, интерес представляет высказанная автором мысль о том, что традиционный социологический инструментарий пополняется использованием так называемого метода «Big Data»: «Скупые точные массовые социальные данные (напомню: это данные социальных сетей о своих пользователях), телефонные переговоры, учетные и прочие документы госорганов, покупки в магазинах, поведение людей в транспорте, на массовых мероприятиях и т.д. — создали для социологов потенциальный доступ к детальным данным, которые могут ускользать от инструментария социологов или требовать специальных, порой неподъемных усилий и средств [Романовский, 2016, с. 6]» [4, с. 21]. Да, до появления современных информационных технологий с их мощностями по обработке крайне трудно коррелируемого между собой разнокачественного материала, говорить об этом было сложно. Но уже избирательная кампания по выборам президента Франции и команда кандидата Э. Макрона¹ успешно демонстрируют, как в политическую реальность прочно входят такие платформы, как Nation Builder, Digitale Box, Corto, Cinquante plus un, используемые как для

¹ Три молодых консультанта, которых французская пресса называет «бостонцами», — Гийом Лиере (Guillaume Liégy), Артур Мюллер (Arthur Muller) и Винсент Пон (Vincent Pons).

организации функционирования интернет-площадок кандидатов в президенты, так и сбора данных о потенциальных симпатизантах — их контакты, возраст, пол, место рождения, профессия и т.д. [2].

Совсем иной характер приобретает исследование исторической роли, причин и динамики революций [4, с. 77] и особенный интерес представляет гл. 5 «Назревание кризисов и революций»: три слоя причин [4, с. 104] и тезис автора о том, что «методологически верным представляется для всех трех слоев причинности выдержать “бинокулярный” подход: представлять и сопоставлять между собой модели двух основных типов: *акторные* модели (с расстановкой и взаимодействиями политических сил... с ресурсами, включенностью в институты...) и *факторные* модели (с переменными, соединенными положительными и отрицательными связями)» [4, с. 105]. Этот слой причинности позволяет автору перейти к тщательному анализу *кризисной динамики и революционной ситуации*. На основе привлечения широкого круга исследовательской литературы, введения таких концептов, как накопление дисбалансов, модели динамики легитимности, триггеры, поля конфликтного взаимодействия и др., в работе делается вывод: «сложная конфликтная динамика кризисов и революций отнюдь не является ни полным хаосом, ни гарантией перехода к справедливому обществу, ни ужасным бесполезным кровопролитием. Кризисы и революции следует понимать и изучать как неизбежные “стихийные встряски” тех политических режимов, которые отказываются от регулярных “искусственных встрясок” — регулярных честных и открытых демократических выборов» [4, с. 144].

В заключение по необходимости краткого экскурса в столь многоаспектное и весьма непростое для понимания всей глубины авторских интенций произведение, прежде всего, следует всемерно поддержать энтузиазм автора, отважно предпринявшего попытку «приземлить» — вплоть до «окопов» революций, революционных восстаний и войн — самый абстрактно-теоретический аппарат, тем самым в полном соответствии с заветом Гегеля посрамить тех, кто действительно «мыслит абстрактно» [1, с. 387—394]. Книга, несомненно, будет полезна как специалистам (своим богатым понятийно-категориальным аппаратом), так и молодым ученым (своей эрудицией и широтой взглядов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972.
2. Доклад «Минченко Консалтинг»: «Технологические уроки выборов президента Франции для России». URL: https://minchenko.ru/analitika/analitika_71.html (дата обращения: 27.10.2021).
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Мир, 1984.
4. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 2: Причины, динамика и смысл революций. М.: КРАСАНД, 2018.
5. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994.

REFERENCES

1. Hegel G.V.F. 1972. *Works of different years*. In 2 vol. Moscow, Thought, vol. I. (In Russ.)
2. Report “Minchenko Consulting”: “Technological lessons of the French presidential election for Russia”. Available at: https://minchenko.ru/analitika/analitika_71.html (accessed: 27.10.2021). (In Russ.)
3. Prigozhin I., Stengers I. 1984. *Order from chaos. A new dialogue between man and nature*. Moscow, Mir. (In Russ.)
4. Rozov N.S. 2018. *Philosophy and theory of history. Book 2: Causes, dynamics, and meaning of revolutions*. Moscow, KRASAND. (In Russ.)
5. Smelzer N. 1994. *Sociology*. Moscow, Phoenix. (In Russ.)

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

1. Gegel' G.V.F. Raboty raznyh let: V 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1972.
2. Doklad «Minchenko Konsalting»: «Tekhnologicheskie uroki vyborov prezidenta Francii dlya Rossii». URL: https://minchenko.ru/analitika/analitika_71.html (data obrashcheniya: 27.10.2021).
3. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoj. M.: Mir, 1984.
4. Rozov N.S. Filosofiya i teoriya istorii. Kn. 2: Prichiny, dinamika i smysl revolyucij. M.: KRASAND, 2018.
5. Smelzer N. Sociologiya. M.: Feniks, 1994.